

УДК 316.37

Вызовы постсовременности и динамика этнокультурной идентичности русской диаспоры в модернизирующемся эстонском обществе

А. Ленсмент, аспирант*

В контексте глобальных общественных трансформаций проблема этнокультурной идентичности становится глобальной социокультурной проблемой. Примером того, что идентификация с этносом и культурой выходит на первое место в процессе самоидентификации, является русская диаспора в Эстонии. В статье исследуется специфика состояния процессов социокультурной и этнонациональной идентификации в условиях постсовременности и определяются основные векторы динамики этнонациональной идентичности русской диаспоры в современном эстонском обществе, испытывающем давление вызовов глобализации.

Ключевые слова: постсовременность, этнокультурная идентичность, индивидуальная идентичность, идентификация, диаспора, глобализация.

Challenges of Postmodernity and the Dynamics of Ethnocultural Identity of the Russian Diaspora in Modernizing Estonian Society

A. Lensment, Postgraduate Student

The question of the ethno-cultural identity is becoming to be a global socio-cultural problem in the context of global social transformation. The Russian diaspora in Estonia is an example of that identification with an ethnic group and culture, which comes out on top in the process of self-identification. Russian diaspora in Estonia is an illustration of that kind of process of self-identification, where the identity and culture of the ethnic group comes out on top. The article examines the specific status of socio-cultural and ethno-national identification in conditions of postmodernity. The article identifies the main vectors of the dynamics of ethno-national identity of the Russian diaspora in the contemporary Estonian society, which is facing the challenges of globalization.

Keywords: postmodernity, ethnocultural identity, individual identity, identification, diaspora, globalization.

Мы живем в мире глобальных общественных трансформаций, где скорость, с которой происходят изменения, постоянно возрастает. Одна из самых актуальных проблем, связанных с социодинамикой современного глобального общества, состоит в том, что лавинообразно нарастает состояние нестабильности как в экономической, так и в социально-политической сферах. Одно из следствий динамического процесса нестабильности и глобальных общественных трансформаций — обострение проблемы этнокультурной идентичности. Это та сфера, где столкновения глобалистов и антиглобалистов практически неизбежны.

Дж. Шварцмантель [1], М. Штигер [2], Д. Харвей [3] в своих исследованиях указывают на то, что в настоящий момент новую идеологическую структуру на мировом уровне определяет преобладание глобализованного неоллиберализма и противодействие ему. «Глобализм стал доминирующей

системой политических „верований“ нашего времени, в соответствии с которой должны определяться все те, кто бросает ей вызов» [2, с. 12], в том числе представители движений, отстаивающих сохранение и усиление этнокультурной идентичности.

Таким образом, в контексте глобальных общественных трансформаций проблема этнокультурной идентичности становится глобальной социокультурной проблемой. Примером того, что идентификация с этносом и культурой выходит на первое место, является русская диаспора в Эстонии. Проблема заключается в том, что несмотря на усиление идеологии идентичности представители русской диаспоры в Эстонии не демонстрируют одновременно с этим более высоких форм организованной социально-политической активности.

Как показывают результаты проведенных автором исследований [4—8], влияние глобализации

* Аспирант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ. Научный руководитель — доктор философских наук профессор А. И. Зеленков.

на динамику процессов этнической и социокультурной идентификации ощущается весьма определенно. Этнокультурная идентичность представляет собой сложный психологический и социокультурный феномен, содержание которого определяет комплексное чувственно-эмоциональное и когнитивно-рациональное осознание (и переживание) общности, единства своей локальной, этнонациональной группы на основе близости психического склада, культурных особенностей (языка, традиций, религиозных верований и культов и др.), а также устойчивых социальных стереотипов.

Этнокультурная идентификация обусловлена экзистенциально-психологическими потребностями человека, нуждающегося в создании «своей» группы, в упорядочении представлений о себе и своих отношениях с окружающей социокультурной средой. Содержание этнокультурной идентичности определяет синтез синхронических и диахронических структурных компонентов. Устойчивую синхроническую «горизонталь» структуры образует совокупность когнитивно-психологических элементов идентичности: чувственно-эмоциональных (комплекс чувств и переживаний индивидов по поводу принадлежности к «своей» этнокультурной общности), рациональных (совокупность разворачивающихся во времени рефлексивных процессов, образующих основные различия «Я — Мы», «Я — Другой», «Мы — Они», «Свои — Чужие») и ментальных (совокупность латентных установок деятельности, поведения и восприятия действительности, обусловленных как спецификой этнокультурной традиции, так и скрытым воздействием архетипов коллективного бессознательного).

Диахроническую «вертикаль» в структуре этнокультурной идентичности формирует взаимодействие нескольких темпорально различных слоев: родовая идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность. При этом выделенные диахронические пласты этнокультурной идентичности можно рассматривать как ее последовательные исторические формы, которые в процессе эволюции этноса наслаивались, взаимно проникая друг в друга и взаимно опосредуя друг друга. Динамика этнокультурной идентичности в условиях глобализации определяется целым рядом социокультурных факторов, изменяющих социальный и культурный хронотопы современных обществ. В их числе в первую очередь следует назвать денационализацию, детерриторизацию, вытеснение локального глобальным, глобализацию медиа, становление мультикультурных социальных пространств и транснациональных социальных отношений. В результате полюс этнокультурной

идентичности смещается от преимущественно этноприродных форм идентификации, основанных на объективных генетически заданных признаках этноса (общность антропофизиологических черт, психоэмоционального склада, территориальная общность происхождения, наличие этнокультурного символического ядра, коррелирующего со спецификой традиционных систем жизнеобеспечения, вписанных в структуру микроландшафтных зон), к социальным и знаково-символическим измерениям идентичности, обусловленным спецификой социальных стереотипов, ментальных установок группового сознания и ценностно-символических определений реальности, зависящих от характера идеологий.

В последние десятилетия проблема межкультурных отношений получила высокую общественную значимость, что стимулировало рост социально-философских исследований в этой области. В мультикультурном и мультинациональном мире уже невозможно избежать взаимодействия с представителями других культур. Происходящие в настоящее время геополитические процессы порождают все новые и новые феномены, характер которых не вписывается в уже созданные схемы. Усиливающиеся миграционные процессы — одна из отличительных тенденций в современном мире. После распада Советского Союза в этот поток было включено огромное количество бывших советских граждан. Так, в результате распада СССР миллионы людей, идентифицирующих себя с русской культурой, однако проживающих не в Российской Федерации, а в других республиках Советского Союза, оказались неожиданно для себя в ситуации национальных меньшинств.

Феномен адаптации к новому статусу русских, проживающих на территориях, входивших ранее в состав СССР, представляет несомненный интерес в области социально-философского осмысления менталитета диаспор и механизмов межкультурного взаимодействия. З. Левин, специалист по исследованию менталитета диаспор, писал: «Опыт адаптации иммигрантов, людей, живущих на чужбине среди народа, часто принадлежащего к иному цивилизационному ареалу, вынужденных искать способ сосуществования с ним, позволяет лучше понять, как складываются межэтнические отношения вообще и, в частности, как при этом меняется менталитет взаимодействующих народов» [9, с. 8—9].

Изменения этнокультурной идентичности русской диаспоры в современной Эстонии осуществляется под воздействием целого комплекса объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов мы можем отнести такие век-

торы развития современного эстонского общества, которые были связаны с его посткоммунистической трансформацией в условиях формирования суверенного государства и интеграции в экономическое, политическое и социокультурное пространство западного мира. Среди объективных факторов динамики идентификационных процессов прежде всего выделим следующие:

- обретение Эстонией национального суверенитета и рост значимости титульной нации в социальном пространстве постсоветского эстонского общества;

- правовое закрепление эстонского языка в качестве государственного;

- объективные социально-экономические трудности переходного периода, выражающиеся в падении уровня жизни, сокращении производства в связи с его реструктуризацией и последующей модернизацией;

- обусловленный процессом модернизации рост безработицы, неизбежно сопровождающий начальные стадии структурных экономических реформ;

- реформы институтов вторичной социализации, позволяющие интегрировать национальную систему образования в европейскую с присущими ей современными формами академической мобильности, а также развитие национальной эстонской школы;

- развитие националистических элит, мобилизующих различные этнонациональные группы мультикультурного эстонского общества на защиту своих интересов в условиях трансформации социально-политических и правовых институтов;

- разрыв родственных связей и привычных форм социальной коммуникации многих русских в Эстонии, частично обусловленный установлением границ и визового режима между Россией и эстонским государством;

- стратегический цивилизационный выбор Эстонией западно-европейского вектора модернизации и вхождение страны в Европейский Союз.

Субъективными факторами динамики этнокультурной идентичности русского населения Эстонии можно считать: реактивный рост национального самосознания в условиях перемены статуса титульной нации, социальную и психологическую дезадаптацию русского населения, не знающего эстонского языка; низкий / высокий уровень образованности и квалификации, влияющий на способность найти работу, соответствующую склонностям и компетенциям, а также личным статусным предпочтениям; сегрегированность русского населения в урбанизированных районах; стиль и образ жизни, а также особенности менталитета

и повседневного жизненного мира, укорененного в иной этнокультурной традиции.

Исходя из истории происхождения русской диаспоры естественно предположить, что этнокультурная принадлежность все еще должна являться важной детерминантой, влияющей на выборы стратегии социально-политического поведения русских в Эстонии [6, 8]. В связи с этим интерес вызывает феномен снижения социально-политической активности значительной части русских в Эстонии в качестве представителей своей диаспоры. То есть, несмотря на обострившуюся проблему идентичности, представители русской диаспоры в Эстонии не демонстрируют одновременно с этим более высоких форм организованной социально-политической активности. На выборах в парламент 2011 г. русская партия набрала менее одного процента голосов, при том что русских в Эстонии около 30 % и большая часть из них имеет эстонское гражданство, на выборах в 2015 г. эта партия вообще не участвовала.

Таким образом, попытки создания «русской партии» потерпели неудачу, а «русские» избиратели активно голосуют за «эстонские» партии. В этой связи проблематизируется также само понятие принадлежности к исконной культуре применительно к представителям диаспор, которые живут в обществе, где доминантной культурой является культура аутохтонной группы, к которой они вынуждены так или иначе адаптироваться. Какая система ценностей, например, будет доминировать у русских в Эстонии: будет эта система ценностей совпадать с ценностями эстонцев или с ценностями русских в России, а может быть, она будет отличаться и от первых, и от вторых? Какие детерминанты будут влиять на социально-политическую активность представителей русской диаспоры в Эстонии?

Анализ теоретических и эмпирических исследований относительно социально-философских особенностей ментальности и поведения русских в Эстонии, а также собственное эмпирическое исследование, проведенное автором, позволяет вполне определенным образом ответить на эти вопросы. Прежде всего можно зафиксировать следующие причины снижения социально-политической активности русских в Эстонии:

1. Маргинализация и формирование негативной этнической идентичности.

2. Влияние территориальной идентичности на этнокультурную идентичность и формирование нового субэтнуса — «еврорусские».

3. Усиление личностной идентичности и уход наиболее пассионарных представителей в транзитивные структуры современного общества.

Рассмотрим данные причины более подробно, опираясь на современные исследования, в том числе и проведенные лично автором данной статьи.

1. Маргинализация и формирование негативной этнической идентичности

В соответствии с теорией эволюции менталитета диаспоры [9] исследуемая автором группа русских в Эстонии относится ко второму поколению иммигрантов (дети иммигрантов, родившиеся в принимающей стране или привезенные сюда в младенчестве), которое определяется как поколение маргиналов. Это означает, что представителям этой группы будет нелегко найти себя и стать успешными в принимающей стране.

Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией до сих пор. По мнению тартуских социологов, «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса культурного воспроизводства» [10, с. 112]. Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» [10, с. 112].

2. Влияние территориальной идентичности на этнокультурную идентичность и формирование нового субэтноса — «еврорусские»

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился. Согласно данным Р. Х. Симоняна, русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в Эстонии. Они, по мнению Р. Х. Симоняна, «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. ...Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. ...Здесь их называют „еврорусскими“...» [11, с. 52].

Российские исследователи Д. Фурман и Э. Задорожнюк указывают на исторически сложившуюся привлекательность для русских балтийских культур и балтийского стиля жизни. По их мнению, «русским... нравится балтийский (западно-европейский) образ жизни, который оценивается ими выше, чем образ жизни в России» [12, с. 456]. Для балтийских русских также очень характерно подчеркивание своего отличия от «российских русских». С. Савоскул, ссылаясь на данные проведен-

ного им исследования, указывает, что в Эстонии такое отличие подчеркивали 70 % опрошенных [13, с. 271], что в свою очередь можно проинтерпретировать как стремление ослабить свою идентификацию как с Россией, так и с русскими в целом. Причину данного феномена некоторые исследователи объясняют привлекательностью Запада и Европы и видят в этом еще одно доказательство формирования нового субэтноса «еврорусских» [12, с. 461]. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т. е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку [11, с. 52].

Влияние территориальной идентичности на этническую и гендерную идентичность русских в Эстонии подтвердилось на материале исследования, проведенного автором в 2009 г. в Эстонии и России [4]. Для оценки уровня идентичности с территориальными и гендерными группами оценивался уровень сходства образа Я испытуемых с образом представителя соответствующей группы. Территориально-этническая идентичность определялась как уровень близости с образом типичного представителя всей этнической и территориальной группы. Рассматривались также различия между юношами и девушками в идентичности к территориально-этнической группе и зависимость этой идентичности от пола и места жительства.

Было выявлено, что существует значительное различие в уровне идентичности с представителями своей этнической, но другой территориальной группы. Положение этнического меньшинства не формирует большую или меньшую идентичность по отношению к собственной этнической группе. Территориальная идентичность проявляется в ощущении меньшего сходства своей группы с русскими, живущими в России.

Необходимо также отметить, что, несмотря на вышеуказанные изменения в первоначальных культурных паттернах русских в Эстонии, в сравнительном исследовании, проведенном автором, было обнаружено сходство структуры базовых ценностей у русских в Эстонии, и русских в России — т. е. этнокультурная принадлежность все еще является главной детерминантой, формирующей их базовые убеждения. Но при этом было выявлено содержательное различие в структуре базовых ценностей, подтверждающее гипотезу о том, что у индивидов, относящих себя к одной этнокультурной группе, но живущих в разных социокультурных контекстах, будут обнаружены различия в базовых убеждениях и ожиданиях. Исследование показало, что отличия русских в Эстонии сближают их

с некоторыми психологическими особенностями идентичности эстонцев или, в более широком плане, — идентичности европейцев [5, с. 193]. Таким образом, гипотеза о формировании нового субэтноса «еврорусские» убедительно подтверждается проведенными эмпирическими исследованиями.

В то же время необходимо согласиться с мнением В. Яacobсона, что говорить сейчас об окончании формирования нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно. Многочисленные исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, считают, что сегодня надо более корректно говорить о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт и дополняют друг друга [14, с. 162]. Однако здесь важно подчеркнуть, что процесс усиления влияния территориальной идентичности на этническую идентичность русских в Эстонии, без сомнения, является фактором ослабления пассионарности русской диаспоры и причиной снижения ее социально-политической активности.

3. Усиление личностной идентичности и уход наиболее пассионарных представителей в транзитивные структуры современного общества

В структуре идентичности выделяются два взаимосвязанных аспекта — социальный и личностный. Составная часть социальной идентичности — этническая идентичность. Она отражает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и связанной с ней определенной культуре. Характеризуя используемые стратегии адаптации, В. Яacobсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития [14]. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» [15].

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. В этом случае субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Согласно Х. Тэджфелу [16], повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования инди-

видуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам. Это актуализирует личностную идентичность: «Человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» [17, с. 136].

Следовательно, можно предположить, что для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на социальную идентичность. Соответственно в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлежность, а индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы — они», и потому не вызывают враждебного отношения. Исследование, проведенное автором совместно с Е. Улыбиной и И. Ахмет, подтвердило, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии среди представителей русской диаспоры в Эстонии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира [6, 7].

Т. Вихалемм и В. Калмус в своем исследовании также приходят к выводу, что «молодые поколения русских и эстонцев в значительной мере похожи друг на друга. Статистически значимая разница между молодыми людьми из данных этнических групп существует только в отношении двух ментальных структур: молодые эстонцы больше придерживаются шаблона „адаптивность и воссоздание социального капитала“, тогда как молодые русские — „глобальная ориентация и эмансипация“» [10, с. 111]. Таким образом, не стремление к усилению этнокультурной идентичности, не национальная, а глобальная культурная индустрия, глобальная ориентация и эмансипация в значительной степени будут влиять на ментальность представителей русской диаспоры в Эстонии.

Заключая, следует отметить, что основными векторами динамики этнокультурной идентичности русской диаспоры в Эстонии являются: 1) рост знаково-символической и социальной составляющих процесса этнокультурной идентификации; 2) кризис этнокультурной идентичности маргина-

лизированных слоев русского населения в эстонском обществе; 3) ассимиляция части русского населения с утратой этнического компонента идентификации, рост космополитических форм социальной идентичности; 4) обретение гармоничной мультикультурной идентичности посредством нарастания в структуре этнокультурной идентификации рационально-рефлексивного компонента.

Список цитированных источников

1. *Шварцмантель, Дж.* Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. — Харьков, 2009.
2. *Steger, M. B.* Ideologies of globalization / Manfred B. Steger // *J. of Polit. Ideologies.* — 2005. — № 10 (1). — P. 11—30.
3. *Harvei, D.* A Brief History of Neoliberalism / D. Harvei. — Oxford, 2005.
4. *Ленсмент, А.* Особенности территориальной и гендерной идентичности русских в Эстонии и русских в России / А. Ленсмент // «Гілея: наук. вісн.» — 2013. — № 78. — С. 196—199.
5. *Ленсмент, А.* Особенности идентичности русских в Эстонии / А. Ленсмент, И. Ахмет // Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 16—17 дек. 2010 / под ред. В. Г. Гавриленко. — Минск, 2011. — С. 191—193.
6. *Улыбина, Е.* Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // *Журн. Высш. шк. экономики.* — 2010. — № 6 (4). — С. 94—102.
7. *Улыбина, Е.* Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // *Человеческий фактор: социальный психолог.* — 2009. — № 2 (18). — С. 138—151.
8. *Lensment, A.* The Comparative Analysis of Fundamental Assumption of the Russians in Estonia and Russia / A. Lensment, I. Ahmet, M. Rodins // *The Proc. of the Inst. for Europ. Studies.* — 2010. — № 7. — P. 152—167.
9. *Левин, З. И.* Менталитет диаспоры / З. И. Левин. — М., 2001.
10. *Вихалемм, Т.* Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии / Т. Вихалемм, В. Калмус // *Социол. исслед.* — 2008. — № 5. — С. 104—114.
11. *Симомян, Р. Х.* Перемены в массовом сознании российской диаспоры / Р. Х. Симомян // *Психол. журн.* — 2004. — Т. 25, № 2. — С. 43—54.
12. *Фурман, Д.* Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) / Д. Фурман, Э. Задорожнюк // *Страны Балтии и Россия: общества и государства.* — М., 2002. — С. 439—478.
13. *Савоскул, С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы / С. С. Савоскул. — М., 2001.
14. *Якобсон, В.* Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя / В. Якобсон // *Мир России.* — 2006. — Т. 15, № 4. — С. 143—170.
15. *Степанович-Захариевская, Д.* Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах / Д. Степанович-Захариевская // *Социол. исслед.* — 2008. — № 5. — С. 99—104.
16. *Tajfel, H.* Individuals and groups in social psychology / H. Tajfel // *Brit. J. of Social. and Clinical Psychology.* — 1979. — Vol. 18, Is. 2. — P. 183—190.
17. *Павленко, В. Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В. Н. Павленко // *Вопр. психологии.* — 2000. — № 1. — С. 135—141.

Дата поступления в редакцию: 29.08.2015 г.